

Ноги Сун Яна подогнулись, и он мешком рухнул на колени.

На его глазах этот безумец Лу Инь направил спорткар прямо на него. Грязная дождевая вода из придорожной лужи взметнулась из-под бешено вращающихся колес и залепила лицо. Машина неслась на него, неумолимо приближаясь.

Визг тормозов заставил сердце испуганно сжаться. Сун Яна колотила крупная дрожь. Лишь когда Цзян Боянь рванул его вверх, помогая подняться на ноги, и спросил, все ли в порядке, он смог сделать вдох.

Сун Ян мертвой хваткой вцепился в его рукав, судорожно глотая воздух. От пережитого страха его все еще трясло.

— Брат, он ведь реально хотел нас раздавить! Лу Инь спятил! Он же убийца!

— Успокойся, — попытался утихомирить его Цзян Боянь. — Кишка у него тонка.

Однако в глубине души он сам опешил от этой дикой выходки и теперь хмуро разглядывал Лу Иня. Тот уже выбрался из салона. Посмотрев на дрожащего от ужаса Сун Яна, Лу Инь даже бровью не повел — никакого раскаяния в глазах. Лишь бросил небрежное:

— Ничтожество.

И развернулся, намереваясь уйти.

Цзян Боянь аккуратно отстранил Сун Яна и шагнул наперерез:

— А ну стоять!

— Что-то нужно? — Лу Инь остановился на ступенях крыльца и обернулся, глядя на него сверху вниз.

Даже после такого безумного трюка его взгляд оставался высокомерным, а тон — ледяным. Это надменное спокойствие мгновенно разожгло едва утихшую злость в груди Цзян Бояня.

— Извинись, — процедил он сквозь зубы.

— Извиниться? — искренне, как показалось, удивился Лу Инь. — И кто же перед кем должен извиняться?

Цзян Боянь стиснул зубы так, что на скулах заходили желваки. Сдерживая рвущуюся наружу

ярость, он вперился в него тяжелым взглядом темных глаз. Наконец заговорил — жестко, не терпящим возражений тоном:

— Я сказал: извинись перед Сун Яном. Прямо сейчас.

Лу Инь, стоя на верхней ступени, даже не шелохнулся:

— Нет.

У Цзян Бояня напряглись мышцы на руках, а во взгляде промелькнуло что-то по-настоящему опасное.

Сун Ян глубоко вдохнул, пытаясь унять колотившую его дрожь, и с мертвенно-бледным лицом сделал шаг вперед. В его душе шевельнулось смутное сомнение. Он настороженно разглядывал Лу Иня, чувствуя, что тот стал каким-то другим. Не таким, как прежде.

— Псих ненормальный! — с отвращением выплюнул Сун Ян.

— Подумаешь, педаль перепутал, — равнодушно отозвался Лу Инь. — Вы ведь только что занимались ровно тем же самым.

Сун Ян переглянулся с Цзян Боянем и тут же выпалил:

— Мы это сделали не нарочно! А ты целенаправленно пытался нас задавить! Ты что, белены объелся сегодня?!

Лу Инь изобразил на лице крайнюю степень невинности:

— Так и я не нарочно... братец.

Ядовитую насмешку, вложенную в это «братец», сложно было не заметить. Цзян Боянь, до этого молча изучававший его, резко выпрямился. Скрывать подозрение во взгляде больше не имело смысла.

Спустя мгновение Цзян Боянь коротко усмехнулся:

— А ты, оказывается, злопамятный. Похоже, мне стоит узнать тебя заново.

Лу Инь пожал плечами:

— Поверь, я куда более злопамятен, чем ты думаешь.

Цзян Боянь прищурился. Градус напряжения между ними не спадал, однако о своем требовании извиниться перед Сун Яном он больше не заикался. Заметив это, Сун Ян насупился и уже собирался толкнуть приятеля локтем, как вдруг двери виллы распахнулись. На шум вышел Сун Хайнин.

— Папа! — тут же жалобно заныл Сун Ян.

Сун Хайнин одарил его любящим, заботливым взглядом, попутно скользнув холодным взглядом по Лу Иню, и неторопливо поправил золотые очки на переносице.

Этот аксессуар придавал ему интеллигентный, благообразный вид. Но благородство было лишь маской: в действительности Сун Хайнин являлся расчетливым, беспринципным и лицемерным эгоистом, готовым ради выгоды на любую подлость.

Лу Инь обернулся и посмотрел на своего отца, который сейчас выглядел на несколько лет моложе, чем в его воспоминаниях перед смертью.

Годы пребывания на вершине власти наложили на Сун Хайнина отпечаток важности, однако за этим внушительным фасадом скрывался обыкновенный бездарь. Он умел плести интриги и проворачивать грязные делишки за кулисами, но как руководителю ему катастрофически не хватало таланта. Под его началом Корпорация Божественного Пути катилась по наклонной. Пару лет назад ему даже пришлось экстренно распродать часть дочерних предприятий, и теперь некогда процветающий гигант держался на плаву исключительно за счет строительного сектора. Дни его были сочтены.

Всего через несколько лет из-за бездарного управления холдинг окажется на грани банкротства. Именно тогда Лу Инь перехватит контроль над бизнесом и вдохнет в Шэньлу новую жизнь, что вызовет у Сун Яна лишь жгучую зависть и бессильную злобу.

Сун Хайнин демонстративно игнорировал Лу Иня. Рассыпавшись в дежурной любезности, он мягко обратился к гостю:

— Сяо Янь, что же вы стоите на пороге? Проходите в дом, живее. Я сейчас же велю приготовить вам поздний ужин.

Он всегда обхаживал Цзян Бояня, порой доходя до откровенного заискивания. Последние годы Сун Хайнин умело пользовался близкими отношениями своего младшего сына с наследником акционерного общества «Далёкая Река», выбивая для себя выгодные контракты и преференции. В светских кругах шептались, завидуя его удачливости и хваля за то, какого перспективного зятя или покровителя он умудрился заполучить через сына.

— Спасибо, дядя Сун, не стоит, — вежливо отказался Цзян Боянь.

Сун Ян порывался что-то сказать, но отец бросил на него предостерегающий взгляд, призывая умерить пыл и не устраивать сцен при посторонних.

Лу Инь молча наблюдал за этой немой сценой.

Он слишком хорошо изучил отца. Тщеславие Сун Хайнина всегда шло впереди него: он до смерти боялся запятнать репутацию примерного семьянина и выставить напоказ грязное белье. Хотя после смерти жены он практически вычеркнул старшего сына из своей жизни, при чужих людях он исправно разыгрывал роль заботливого родителя.

Какое лицемерие.

Впрочем, Лу Инь давно не ждал от него тепла.

— Сун Хайнин, — вдруг произнес Лу Инь.

Услышав свое полное имя из уст собственного сына, да еще и сказанное столь пренебрежительно, мужчина так и застыл. Спина его напряглась, а лицо мгновенно налилось краской гнева. Он резко развернулся, собираясь устроить бунтарю знатную головомойку.

Но Лу Инь не собирался тратить на него время.

— Я съезжаю, — ровно бросил он.

Цзян Боянь удивленно вскинул брови.

— С какой стати? Что еще за глупости? — раздраженно прикрикнул Сун Хайнин. — Опять устраиваешь сцены на пустом месте? Какая невоспитанность! Не видишь, у нас гости? Прекрати вести себя как капризный ребенок!

— Я просто ставлю тебя в известность. Твоего согласия мне не требуется.

Не обращая внимания на ярость, закипавшую во взгляде отца, Лу Инь развернулся и направился в дом, чтобы собрать вещи. Проходя мимо Цзян Бояня, он на секунду затормозил и с легкой усмешкой оглядел его с ног до головы:

— Ого, так поздно, а ты все еще здесь? Решил остаться на ночь?

Цзян Боянь опешил от такой внезапной фамильярности:

— Ну... да.

— В одной комнате с Сун Яном? — уточнил Лу Инь.

Он никогда прежде не заговаривал с Цзян Боянем в подобном будничном, почти дружеском тоне. Отец с сыном сразу почуяли неладное. Напрягшись, Сун Ян тут же влез в разговор:

— А тебе-то какое дело?!

— Просто любопытно, — невозмутимо парировал Лу Инь.

Правда, любопытством в его голосе и не пахло. Это был чистой воды вызов.

Прийдя в себя, Цзян Боянь лишь злобно хмыкнул. Он бывал в этом доме так часто, что Сун Хайнин давно выделил ему собственную гостевую спальню, однако признаваться в этом Лу Иню парень не пожелал:

— Само собой. В одной постели.

Сун Ян тут же схватил его за руку и потянул прочь:

— Чего ты перед ним отчитываешься!

Стоило им скрыться из виду, как Сун Ян отпустил его локоть и недовольно заговорил:

— Тебе не кажется, что Лу Инь окончательно съехал с катушек? С каких пор он стал таким язвительным?

Внутри Цзян Бояня все еще клокотала злость, поэтому ответил он довольно резко:

— Без понятия.

— Он что, всерьез решил тебя захомутать? — забеспокоился Сун Ян. — Ведет себя как дешевка. Тебе не показалось, что он сейчас пытался с тобой заигрывать?

Цзян Бояня передернуло от отвращения:

— Бля, заткнись. Меня сейчас стошнит.

Сун Ян внимательно проследил за его реакцией и заметно расслабился:

— Вот и мне противно. Держись от него подальше, он явно что-то задумал. Настоящая гадина.

Не желая больше мусолить эту тему, Цзян Боянь буркнул:

— Ладно, проехали.

Время близилось к десяти вечера. Возвращаться домой было слишком далеко, поэтому Цзян Боянь решил остаться в гостевой спальне. Однако уснуть не получалось — он ворочался без сна чуть ли не до трех часов ночи, а едва забылся чутким сном, как его бесцеремонно растолкал Сун Ян.

Подавляя дикое желание кого-нибудь придушить, Цзян Боянь хмуро спросил:

— Какого черта надо?

Сун Ян выглядел на удивление довольным:

— А Лу Инь действительно съехал!

Цзян Боянь прислонился спиной к стене и удивленно приподнял бровь:

— Прямо ночью сбежал?

— Ага. Тетушка Лу говорит, около четырех-пяти утра в гараже возился, — затараторил Сун Ян.
— Еще и отцу сообщение накатал, мол, «не беспокой меня по пустякам». Отец так разнервничался, что пришлось две таблетки успокоительного пить. Сказал, что умывает руки
— пусть катится на все четыре стороны.

— И что, дядя Сун заблокировал его счета? — поинтересовался Цзян Боянь.

Сун Ян на секунду замялся. Насколько он знал, у Лу Иня и так никогда не было карт, привязанных к счетам отца. Если бы об этом узнали в обществе, Сун Хайнина тут же заклеили бы за предвзятость и фаворитизм. Поэтому Сун Ян, ничуть не смутившись, решил соврать и кивнул:

— Ну да, заблокировал.

Цзян Боянь задумчиво прищурился:

— И даже одну карту на черный день не оставил? Не боится, что парень по миру пойдет или с голоду загнется? Хм, сомневаюсь, что этот изнеженный барчук пойдет пахать на подработку. Он ведь и дня тяжелого труда не вынесет.

Сун Ян недовольно фыркнул:

— Да он побогаче меня будет!

Цзян Боянь, слушая его болтовню, поднялся с постели и принялся искать свои вещи. Будучи абсолютно уверенным в своей гетеросексуальности, он никогда не стеснялся рассказывать перед Сун Яном с голым торсом. Однако, наклонившись за джинсами, он внезапно вспомнил про свои странные отношения с Лу Инем.

Его лицо тут же потемнело.

«Твою мать».

С каменным выражением лица он спешно натянул на плечи одеяло, заставил Сун Яна отвернуться и только после этого быстро влез в толстовку. Прodelав все эти манипуляции с грацией деревянного манекена, он злобно стиснул зубы, искренне не понимая, с какого перепугу так разволновался.

— Все, поворачивайся, — буркнул он.

— Да что с тобой такое сегодня? Совсем из-за недосыпа крыша поехала? — недовольно протянул Сун Ян, но вовремя прикусил язык. Решив не нарываться, он вернулся к прежней теме: — У него на руках восемнадцать процентов акций Шэньлу. Так что с голоду он точно не умрет. Говорю же, он сейчас в разы богаче меня.

Цзян Боянь замер на полуслове, натягивая кроссовки:

— Точно. Я совсем об этом забыл.

Сун Ян изо всех сил старался скрыть зависть, но обида все равно так и сквозила в его голосе:

— Наследство от мамы... Подумать только! У меня вот до сих пор нет ни единой акции Шэньлу. Но папа пообещал, что на восемнадцатилетие обязательно подарит мне долю в качестве подарка.

Цзян Боянь скользнул по нему беглым взглядом и отвернулся.

Их семья тоже владела небольшим пакетом акций этой корпорации — около шести процентов, — так что обо всех скелетах в шкафу семейства Сун парень знал не понаслышке от собственного отца. Сейчас Сун Хайнин контролировал двадцать восемь процентов акций компании, являясь ее крупнейшим акционером, но история его восхождения к вершине была далека от красивой сказки.

Род Лу никогда не отличался многочисленностью. Мать Лу Иня была единственным ребенком, и ее родители скончались от болезней вскоре после ее свадьбы. А спустя несколько лет и сама она трагически погибла в автокатастрофе. Сун Хайнин тут же прибрал к рукам осиротевшую компанию, подчинил себе дальних родственников жены и фактически переписал Шэньлу на себя, превратив семейное дело Лу в свою личную кормушку.

Сун Ян же был ребенком, которого отец привел в дом позже. Говоря без прикрас — обычным бастардом.

Золотая молодежь вроде Цзян Боянь презирала незаконнорожденных детей, но для близкого друга он сделал исключение. Парень считал, что Сун Ян ни в чем не виноват, ведь родителей не выбирают.

Однако теперь, слушая его откровенное нытье и вспоминая ушедшего в ночь Лу Иня, он почувствовал глухое, липкое раздражение.

Желая поскорее закрыть тему, он сухо поздравил приятеля:

— Что ж, с наступающим. Тебе ведь скоро восемнадцать.

Но Сун Ян не унимался:

— Слушай, а куда он мог пойти в такую рань?

— В отель, — бросил Цзян Боянь.

— А мне кажется, нет, — гаденько ухмыльнулся Сун Ян. — Небось побежал под крылышко к своему хахалю.

Цзян Боянь резко изменился в лице.

— К хахалю? — переспросил он каким-то чужим, севшим голосом.

Хотя их интрижка с Лу Инем была всего лишь жестокой шуткой, если разложить все по полочкам, выходило, что тем самым «хахалем» являлся он сам. От этой мысли парня пробрала такая дрожь, что по спине побежали мурашки. Он судорожно тряхнул головой, пытаясь

выкинуть образ Лу Иня из мыслей.

Чертовщина какая-то! Он ему не парень!

— Заткнись, — отрезал Цзян Боянь, поднимаясь с кровати. — Чтобы я больше не слышал о нем ни слова.

Уехав из особняка Сун, Лу Инь направился напрямик в гостиницу. Он планировал провести здесь несколько дней, пока не подберет постоянное жилье, и уже успел оформить недельный пропуск в университете у куратора.

Невероятное, не поддающееся логике возвращение в прошлое лишило его сна, но усталости он не чувствовал — разум будоражило возбуждение. Быстро разобрав немногочисленные вещи, Лу Инь засел за планирование будущего бизнеса. Он твердо решил пойти по проверенному пути и основать ту же технологическую компанию, что и в прошлой жизни.

Над первыми набросками бизнес-плана для своей будущей Технологической компании Безопасного Пути он просидел до самого обеда. Лишь во второй половине дня навалилась глухая усталость. Закрыв ноутбук, Лу Инь мгновенно провалился в глубокий сон без сновидений.

Когда он проснулся, за окнами уже сгустились сумерки. В городе зажигались первые огни. Лу Инь подошел к окну и раздвинул шторы — на улице шел мелкий, унылый дождь, навевающий смутную тоску.

Поев, Лу Инь вернулся к работе. Сон отлично освежил голову, и теперь он сосредоточенно вглядывался в экран компьютера, слегка опустив уголки губ. В тишине номера раздавался лишь мерный, сухой стук клавиш.

Однако сосредоточиться не получалось.

В восемь часов пятнадцать минут вечера он поймал себя на том, что набрал на клавиатуре имя: «Тань Мо».

Лу Инь нахмурился и нажал клавишу стирания.

В восемь семнадцать пальцы снова вывели те же два слова. Разум словно отказывался подчиняться воле, а руки действовали сами по себе. Когда это повторилось в третий раз, Лу Инь тяжело вздохнул, прекратил попытки работать и захлопнул крышку ноутбука.

Должно быть, вчерашний снимок Тань Мо слишком глубоко засел в памяти, и теперь этот образ намертво зафиксировался в голове.

Он отчетливо понимал: никакие планы, бизнес-схемы и задачи не сравнятся по важности со спасением Тань Мо. Ради этого стоило переписать его судьбу. Возможно, стоило отбросить сомнения и поехать в Первую старшую школу прямо сейчас.

Но они не виделись слишком долго. Восемь лет абсолютной тишины пролегли между ними глубокой пропастью, превратив некогда неразлучных друзей в чужаков.

Это походило на щемящий страх перед возвращением на заброшенную родину.

Лу Инь не знал, узнает ли его Тань Мо. Да и такое внезапное появление у ворот школы могли счесть подозрительным. В конце концов, Тань Мо был сыном Тань Сыли, единственным и законным наследником могущественного холдинга Таньши.

И все же... терпеть больше не было сил.

Ему отчаянно, до боли хотелось увидеть его. Здесь и сейчас.

В половине десятого вечера в Первой старшей школе закончились дополнительные занятия.

Погода в последние дни стояла отвратительная. К концу уроков дождь хлынул с новой силой. Хань Синьчжао, наспех раскрыв огромный черный зонт, торопливо шагал к воротам. Почувствовав, как холодные брызги промочили штанины, он не выдержал и выругался:

— Ну и мерзость. Что за чертова погода!

Тань Мо шел рядом. Сделав широкий шаг, парень легко перемахнул через раскинувшуюся на асфальте лужу.

— Ого... — Хань Синьчжао, только что поливавший грязью погоду, осекся на полуслове.

Тань Мо притормозил и обернулся. Друг прыгнул к нему, бесцеремонно навалившись на плечо, и указал пальцем куда-то в сторону уличного фонаря:

— Глянь туда. Ничего себе парень... Красивый, зараза.

Тань Мо стряхнул его руку со своего плеча, мельком глянул в указанном направлении и

равнодушно отвернулся:

— Обычный. Пошли.

Под тусклым фонарным столбом стоял высокий молодой человек с черным зонтом в руках. На нем был серый шерстяной свитер с высоким горлом, подчеркивающий его стройный, даже изящный силуэт. Он стоял совершенно один у края дороги, и в его одинокой фигуре сквозила тихая, щемящая грусть.

Из-за приличного расстояния Тань Мо не мог толком разглядеть его лица, да и чужие мужчины его мало заботили. Однако на перекрестке, когда они поравнялись с этим местом, парень невольно поднял голову и столкнулся со незнакомцем взглядом. Сквозь полупрозрачную пелену мороси ему показалось, что губы молодого человека дрогнули в едва заметной, мимолетной улыбке.

— Слышь, красавчик, он точно на тебя пялится, — не унимался Хань Синьчжао.

Тань Мо отвел глаза и прибавил шаг. Но в этот самый момент со стороны фонаря донесся негромкий голос:

— Тань Мо.

Парень замер как вкопанный и медленно обернулся.

Лу Инь стоял под дождем, держа над головой зонт. Их взгляды встретились сквозь дрожащую дымку ночного ливня. В этот дождливый вечер, укутанный прохладой и сыростью, его долгожданная, выстраданная тоска проросла сквозь годы дикой, неуправляемой травой.

Когда незнакомец позвал его по имени в третий раз, Тань Мо сделал несколько шагов навстречу и наконец разглядел его лицо.

<http://bllate.org/book/20470/2106337>